

НОРМАТИВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ТЕОРИИ ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Часть II

Работа посвящена сравнительному методологическому анализу теории общественных и мериторных товаров, концепции либертарианского патернализма и теории опекаемых благ. Во второй ее части обсуждаются политэкономические аспекты формирования нормативных интересов общества, институциональные и политологические проблемы определения нормативного стандарта. Кроме теоретического обоснования необходимости государственной активности, направленной на достижение нормативных интересов общества, в заключительной части статьи рассматриваются вопросы формирования соответствующих целевых установок и насколько они отражают реальные общественные предпочтения.

Ключевые слова: нормативные интересы, нормативный стандарт, опекаемые блага, общественные товары, меритория, либертарианский патернализм, гражданское общество, парламент, институт бюджетных назначений

JEL: C70, C72, D5, D6, D7, H41.

3. Нормативный стандарт: политэкономический аспект

Экономическая теория благосостояния, как известно, исходит из полной рациональности агентов. Речь идет о стремлении индивидуумов к максимальной реализации своих предпочтений и выборе из всех доступных альтернатив наилучших для себя вариантов поведения. Выявляемый посредством рыночных механизмов спрос, искажающий (по Масгрейву) «истинные предпочтения» индивидуумов из-за наличия дефицита информации, воли или ресурсов², имеет позитивную природу. При этом можно согласиться с А. Радыгиным и Р. Энтовым, что «возникают многочисленные трудности как в выявлении и соответствующем использовании информации о предпочтениях всех участников, так и при формировании основы, на которую должна опираться государственная деятельность» (Радыгин, Энтов (2012, с.8)).

---

¹ Рубинштейн Александр Яковлевич (arubin@aha.ru), Заслуженный деятель науки РФ, д.ф.н., профессор, Первый заместитель директора ИЭ РАН (Москва), Заведующий кафедрой «Экономики искусства и культурной политики» Школы-студии МХАТ, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Панъевропейской высшей школы (Братислава).

² Подчеркну, не только ресурсные (бюджетные) ограничения. См., (Musgrave (1959, P.13), Brennan, Lomasky (1983, P.187), Head (1988, P.30), Koboldt (1995, P.13), Tietzel, Muller (1998, S.116)).

Думается, трудности эти непосредственно обусловлены тем, что основа, на которую должна опираться государственная деятельность (нормативный стандарт) имеет исключительно ценностную природу и, по существу, не зависит от позитивных предпочтений участников. Преодоление этих трудностей, допуская существование только рыночной ветви формирования общественных интересов, агрегирующей в форме спроса индивидуальные предпочтения, представляется совершенно нереальным делом. Подчеркну также, что не во всем подтверждаемая эмпирическими исследованиями гипотеза о рациональном поведении индивидуумов и неспособность стандартной теории благосостояния объяснить результаты исследований поведенческих экономистов снижает ценность этой важнейшей теории двадцатого столетия.

Иная ситуация характерна для теории общественных благ. Особенности этих товаров и услуг, обладающих свойствами неисключаемости и несоперничества, обуславливающие эгоистический интерес индивидуумов подавать ложный сигнал о нулевом спросе на общественное благо, и отсутствие рыночного механизма выявления индивидуальных предпочтений дали основание П. Самуэльсону сформулировать свою теорему «О невозможности». В соответствии с ней децентрализованного решения о выпуске общественного блага не существует (*Самуэльсон (2004, с. 374)*). Объем производства такого блага определяет государство, устанавливающее «как должно быть», т. е. нормативный стандарт, генерируемый «экспертом по этике» (*Samuelson (1954, P.388-389)*). В этой теории, по-видимому, был впервые предложен нормативный выбор, который, собственно, и позволил разрешить конфликт между ложными и истинными предпочтениями индивидуумов.

В отличие от теории опекаемых благ, в которой автономный носитель предпочтений определяет нормативный стандарт, и теории общественных товаров, где это делает самуэльсоновский «эксперт по этике», в мериторике и концепции мягкого или либертарианского патернализма данная предпосылка в явном виде не сформулирована. Поэтому и нормативный стандарт в этих теориях остается неопределенным в той мере, в какой не определены истинные предпочтения индивидуумов. Любая попытка их конкретизации имеет в своей основе неясно откуда возникающее знание того, что хорошо, что плохо и как должно быть. И даже если последующие манипуляции, сохраняющие свободу выбора индивидуума, мы признаем в качестве эффективных инструментов политики государства, все равно остается общая методологическая дыра этих теорий – отсутствие определения нормативного стандарта.

Надо сказать, что «смутность представлений государства об истинных предпочтениях индивидуумов» (*Schmidt (1988, S. 384)*) и вероятность произвола в определении нормативно правильных предпочтений (нормативного стандарта) всегда были ахиллесовой пятой мериторики. И можно скорее согласиться со старым замечанием Мак Люра (*McLure (1968, S.479)*), указав-

шего на этот недостаток еще сорок пять лет назад, чем с Мюллером и Титцелем, которые утверждают, что государству не обязательно надо знать истинные предпочтения индивидуумов (*Müller, Tietzel (1998, S. 106)*).

Такая лояльность критиков мериторики обусловлена их приверженностью методологическому индивидуализму. Оставаясь адептами этого принципа, они исходят из того, что нормативный стандарт либо вовсе не нужен, либо он суть агрегат индивидуальных предпочтений (*Müller, Tietzel (1998, S.106)*). В этом же ряду находятся многочисленные попытки примирить мериторику с индивидуалистической парадигмой (*Brennan, Lomasky (1983, S. 183–206)*, *Head (1988, S. 1–37)*, *Priddat (1992, S. 239–259)*, *Koboldt (1995, S. 153)*) и ссылки на конституционную экономику, где нормативный стандарт определяется с помощью консенсуса индивидуальных предпочтений и индивидуумы рассматриваются в качестве исключительного источника оценок (*Buchanan (1986, P.249)*).

Отказавшаяся от австрийского субъективизма и допускающая наличие двух источников оценки, мериторика порождает неразрешимую задачу их согласования. Дело в том, что присущая этой теории амбивалентность предпочтений индивидуумов, как уже отмечалось, неизбежно ведет к появлению внешнего источника оценки с его нормативным стандартом. Оставаясь же на позициях методологического индивидуализма, нормативный стандарт приходится искать непосредственно в предпочтениях индивидуумов. Согласно мериторике рыночный механизм выявляет лишь «искаженные предпочтения» индивидуумов. На роль же нормативного стандарта могут претендовать только их «истинные предпочтения», определение которых само нуждается в нормативном стандарте. Здесь круг замыкается логической петлей, и вывод напрашивается сам собой. Отказ мериторики от методологического субъективизма и использование модели человеческого поведения, основанной на двоемыслии или множественности «Я», приводит де-факто и к отказу от методологического индивидуализма.

«Не натвори чего-нибудь, Филипп, ведь ты подумал о счастье человечества», – это эпитафия к статье Курта Шмидта (*Schmidt (1988, S. 384)*), в котором он приводит слова Альфреда де Мюссе из его «Лорензаччо». Прекрасно подобранный эпитафия, с удивительной точностью выражающий либеральную традицию, фиксирует болевую точку мериторики. При этом не свободные от критики идеи Масгрейва, попытавшегося объяснить и примирить вмешательство государства с либеральной экономической теорией, получили развитие, как известно, в работах поведенческих экономистов, сторонников мягкого патернализма. Думая о счастье человечества, они согласились в том, что не все можно отдать невидимой руке, что-то надо сделать и государству, подталкивая людей к правильным решениям. В их понимании общество должно дать возможность быть счастливыми всем: и тем, кто не имеет о сча-

стве истинных представлений, и тем, у кого для этого нет средств или воли принимать верные решения, наконец, будущим поколениям людей.

Следует подчеркнуть также, что при всей актуальности концепции либертарианского патернализма ее можно рассматривать лишь в качестве второго открытия мериторики, которое сделали поведенческие экономисты. Причем с точки зрения методологии мягкий патернализм почти ничем не отличается от мериторики, предполагающей вмешательство в потребительские предпочтения. И хотя в этой концепции описаны несколько иные факторы, влияющие на индивидуальный выбор, не связанный с повышением благосостояния, принципиальным остается подталкивание индивидуумов к принятию нормативно верных решений. Иначе говоря, либертарианский (*Sunstein, Thaler (2003, P. 1188)*) и асимметричный (*Camerer et al (2003, P. 1212)*) патернализм, предполагающие замещение прямого ограничения выбора индивидуумов опцией по умолчанию, сохраняют в своей основе мериторное вмешательство в потребительские предпочтения.

Используя достижения поведенческой экономики, Санштейн и Талер фактически повторили патерналистский тезис мериторики, на что обращает внимание и де Амико (*De Amico (2009)*). Нетрудно понять при этом, что патернализм в любой форме, включая либертарианский, асимметричный и «политику мягкого подталкивания», основан на нормативном стандарте, на знании «что должно быть». Вполне уместными поэтому являются упреки исследователей, стоящих на платформе позитивного экономического анализа. По мнению Р. Сагдена, например, либертарианский патернализм – это «концепция, предусматривающая плановика, несущего ответственность за сопоставление сведений об индивидуальных предпочтениях и благосостоянии, который затем, руководствуясь этими данными, будет способствовать росту всеобщего блага» (*Sugden (2008, P. 229)*).

Комментируя же чисто мериторный тезис Санштейна и Талера о патерналистской компенсации неполноценной информации, ограниченных умственных возможностей и недостаточной воли индивидуумов (*Sunstein, Thaler (2003, P. 1162)*), Сагден подчеркивает – «без нормативных суждений мы не сможем определить, что считается полноценной информацией, неограниченными умственными возможностями или абсолютным самообладанием» (*Sugden (2008, P. 232)*). Иначе говоря, и здесь нормативная природа истинных предпочтений индивидуумов требует внешнего источника оценки их благосостояния, генерирующего нормативные суждения, или нормативный стандарт, который также плохо согласуется с индивидуалистической нормой. Можно утверждать, что в данном вопросе мериторики и мягкий патернализм мало чем отличаются друг от друга и страдают, фактически, одной и той же болезнью: несовместимостью модели поведения индивидуумов с множественностью «Я» с принципом методологического индивидуализма.

Теперь о нормативном стандарте в трактовке теории опекаемых благ, в которой с единых позиций обосновывается патерналистское вмешательство государства (*Рубинштейн (2009a)*). Повторю в связи с этим слова Гуннара Мюрдаля: «...единственный способ, которым мы можем стремиться к объективности в теоретическом анализе, – это вынести наши ценности из тени на свет, осознать их, специфицировать, открыто заявить о них и позволить им определять теоретические исследования» (*Myrdal (1970, P. 55–56)*). Такой дефинитивной особенностью опекаемых благ является их социальная полезность – способность удовлетворять интересы общества, формирующие нормативный стандарт. Это относится как к общественным и мериторным благам, так и к товарам и услугам, производство и потребление которых связано с рыночными провалами.

И если для теорий общественных и мериторных благ данное положение можно считать доказанным, то в отношении рыночных провалов необходимы специальный комментарий и ответы на ряд вопросов. Например, как рассматривать бедность, которая, по Масгрейву, ведет к нерациональному поведению индивидуумов и, как следствие, к неэффективному распределению ресурсов? Как оценить, что лучше для общества, прямые потери благосостояния от неэффективного использования ресурсов при отсутствии бедности или отсутствие таких потерь при высоком уровне бедности? Куда поместить ряд других случаев, которые разные авторы оценивают по-разному: и как рыночный изъян, и как провал государства.

Размышляя над этими вопросами, следует обратить внимание на то общее, что экономисты соотносят с провалами рынка. В соответствии с дефиницией данного феномена речь всегда идет о ситуациях, которые оцениваются как неудовлетворительные. Именно оцениваются экономистами, опирающимися на нормативный стандарт, выработанный соответствующей теорией³. В этих оценках неизбежно присутствует конвенциональный элемент, не имеющий отношения к самому рыночному механизму. Более того, «провал рынка» – это лишь привычная метафора, маскирующая нейтральность механизма саморегулирования. Результаты же его действия не могут быть ни ошибочными, ни правильными. Таковыми они становятся лишь в ценностных суждениях людей.

С позиций теории опекаемых благ несостоятельность рынка ничем не отличается от других ситуаций, которые признаются неудовлетворительными. Если результаты равновесия при наличии монополии или информационной асимметрии не одобряются обществом, то их можно считать аналогом других

---

³ По мнению Д. Дэвидсона, например, если нет возможности интерпретировать поведение индивидуума как «истинного по нашим собственным стандартам, то у нас нет причин считать его рациональным» (*Дэвидсон (2003, с. 197)*). Подчеркнем тот факт, что экономисты оценивают поведение индивидуумов, используя *собственные стандарты*.

случаев равновесия, которое также оценивается как нежелательное, например, из-за усилившегося неравенства в распределении богатства. Во всех таких ситуациях речь идет исключительно о ценностных суждениях, отражающих нормативные установки общества в форме соответствующих предпочтений государства – автономного субъекта рынка (Табл.3).

Табл. 4. Сравнительный анализ определений «нормативного стандарта»

	ТЕОРИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ	ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТОВАРОВ	ТЕОРИЯ МЕРИТОРНЫХ БЛАГ	КОНЦЕПЦИЯ МЯГКОГО ПАТЕРНАЛИЗМА	ТЕОРИЯ ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ
НОРМАТИВНЫЙ СТАНДАРТ	Рациональные предпочтения индивидуумов	Предпочтения самуэльсоновского «эксперта по этике»	Ценностные суждения	Ценностные суждения	Нормативные предпочтения общества

Итак, нормативный стандарт в версии теории опекаемых благ представляет собой отражение не сводимого к предпочтениям индивидуумов нормативного интереса общества. Факт существования такого интереса обоснован соответствующей исходной предпосылкой, опирающейся на релятивистскую парадигму. В плане методологии здесь прячутся два вопроса. Во-первых, что представляют собой «нормативные предпочтения общества», какова их природа и сущность. Во-вторых, каковы механизмы их формирования?

4. «Эксперт по этике» и формирование его функции полезности

Обсуждая природу и механизмы формирования интересов социальной целостности в теории опекаемых благ, соглашусь и с В. Полтеровичем, который подчеркивает, что дело не только в признании самого факта их существования, но и в конкретном описании политической системы, формирующей и актуализирующей эти несводимые интересы⁴, и с В. Автономовым - нужно «раскрыть факторы формирования функции полезности «политически агрегированного индивида» (Автономов (2014, с.55))⁵. Вполне вероятно, что недосказанность по данному вопросу породила известное недопонимание КЭС и теории опекаемых благ со стороны некоторых экономистов.

Дело в том, что если мы рассматриваем политическую ветвь формирования нормативных интересов общества, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании общественного интереса, выявляемого рыночным механизмом в форме совокупного спроса, то это не означает, что нормативные общественные предпочтения определяет какой-то мистический орган или иная абстракция. Конечно, нет. Как и в

⁴ Подробное изложение позиции В. Полтеровича, высказанной во время наших личных бесед, содержится в книге: (Рубинштейн (2010, с. 111–116)).

⁵ Используя в названии настоящего параграфа самуэльсоновского «эксперта по этике» (Samuelson (1954, P.388-389)), для удобства последующего изложения я определил его и соответствующую «этическую функцию благосостояния» в терминах В. Автономова как «политически агрегированного индивида» и его функцию полезности.

случае с рыночной ветвью общественного интереса, так и при формировании нормативного интереса общества участвуют конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и существующими институтами. Проблема в другом: это одни и те же люди или разные группы индивидуумов; это одни и те же институты или разные институциональные среды, имманентные каждой из двух ветвей формирования общественных интересов.

А вот здесь начинается содержательный анализ. Исследования социологов и политологов многократно фиксировали наличие социальных групп, интересы которых и поведение их членов существенно отличаются друг от друга. На этот, почти банальный, факт указывает, в частности, и П. Ореховский: «Политический (да и социологический) анализ исходит из того, что интересы различных групп могут быть противоположны: одни заинтересованы в прогрессивном налогообложении, другие – в «плоской шкале», одни требуют свободной продажи и возможности ношения оружия, другие – категорически против. Это не просто «различные предпочтения», это – различные цели и ценности» (*Ореховский (2013, с. 19–20)*). Таким образом, речь идет о неоднородности общества, которую нельзя не учитывать, анализируя условия и механизмы формирования интересов (функции полезности) «политически агрегированного индивидуума».

С учетом этого имеет смысл рассмотреть, как данный вопрос решается в анализируемых теориях общественного благосостояния, общественных и мериторных благ, концепции либертарианского, или мягкого, патернализма. Понятно, что определенная целостность и самодостаточность теории благосостояния, рассматривающей нерациональное поведение индивидуумов только в ряду изъянов рынка и провалов государства, не требует ни двоемыслия, ни нормативного стандарта, ни двух ветвей формирования общественного интереса.

Анализ теории общественных товаров, в которой нормативный стандарт определяет самуэльсоновский «эксперт по этике», находящийся, по воле самого Самуэльсона, вне экономики⁶, позволяет утверждать, что в неявном виде здесь используется (хотя и не вполне стандартное) условие гетерогенности. Это непосредственно следует из того, что «эксперт по этике» и индивидуумы, потребляющие общественные товары, в данной теории являются различными экономическими агентами, обладающими неодинаковыми предпочтениями. Что же касается мериторики и концепции мягкого патернализма, то и здесь мы сталкиваемся с таким же, как и в теории общественных товаров, использованием, по умолчанию, условия гетерогенности. Дело в том, что и в мериторике, и в концепции либертарианского патернализма считается необходимым подталкивание индивидуумов к принятию «правильных решений», причем со стороны внешнего субъекта. Поэтому и в данном случае де-факто используется посылка гете-

---

⁶ Подчеркнем, что П. Самуэльсон решения «эксперта по этике» выносил за пределы экономики и полагал, что они не являются экономической задачей (*Самуэльсон (2004, с. 375)*).

рогенности, позволяющая разделить все множество экономических агентов на две однородные группы, обладающие различными предпочтениями.

Что же касается теории опекаемых благ, то можно утверждать, что интересы, генерируемые политической ветвью, в принципе неадекватны интересам, формируемым рыночной средой, и их невозможно определить в терминах рыночных предпочтений. У подавляющего большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют. И лишь статистически незначимая часть общества – те, кого Платон называл «философами» (*Платон (1971, Т.3, с. 275)*), Масгрейв относил к «информированной группе людей» (*Musgrave (1969, S.16)*), а Шмидт – к «политикам» (*Schmidt (1988, S.384)*), способны осознать эти интересы. Очевидно, что наличие этой особой группы людей, обеспечивающих их артикуляцию, требует использования предпосылки неоднородности экономических агентов и их предпочтений.

Допуская гетерогенность экономических субъектов, можно предположить существование, по крайней мере, двух основных групп – (i) «индивидуумов», генерирующих общественный интерес посредством рыночного механизма, (ii) «политиков», кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии⁷. К этому добавим весьма важный тезис Ч. Тейлора: «Живя в обществе и, тем более, изучая его работу, необходимо принимать во внимание и такие феномены, которые не являются людьми или их комбинациями: роли, обязанности, статусы, правила, законы, обычаи» (*Тейлор (2001, с.7–8)*). Поэтому, если и можно говорить об участии остальных граждан в формировании интересов общества, генерируемого в политической среде, то очень опосредованно, имея в виду политические институты и механизмы передачи политикам в траст мнения избирателей⁸.

Рассматривая в теории опекаемых благ политическую ветвь формирования общественного интереса и «политиков», генерирующих нормативные установки общества и соответствующий нормативный стандарт, следует иметь в виду принципиально «другое поведение» этой группы экономических агентов в отношении совершенно «других событий». Поясню, что я имею в виду, говоря о «политиках», «других событиях» и «другом поведении».

---

⁷ В известном эксперименте с общественными товарами предполагается, в частности, существование «трех типов игроков: безбилетники, кооператоры и манипуляторы» (*Burlando, Guala (2005, P. 35)*). Приведем еще один пример. Ссылаясь на работу Дарона Асемоглу (*Acemoglu (2007)*), в которой исследуются вопросы «живучести неэффективных хозяйственных и политических институтов», А.Радыгин и Р. Энгов указывают на то, что в использованных моделях рассматриваются другие три группы игроков «... 1) представители некоторой абстрактной «элиты» (по-видимому, группа представителей властной политической элиты); 2) средний класс, пытающийся противостоять «элите»; 3) наемные работники» (*Радыгин, Энгов (2012, с. 17)*).

⁸ Отметим, в частности, что общественный интерес Р. Масгрейв рассматривает как результат «передачи в политический траст» индивидуальных предпочтений. Голосуя на выборах за того или иного кандидата, индивидуумы вместе со своим голосом передают ему право выражать их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения (*Рубинштейн (2009)*).

В предисловии к англоязычному переводу издания книги Кнута Викселля «Исследование по теории финансов» Джеймс Бьюкенен призвал «коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности» (Бьюкенен (1997, с.18)). Следуя данной методологической установке и для целей анализа формирования нормативных общественных интересов, мы рассматриваем достаточно простую модель парламентской демократии. Речь идет о демократически устроенном обществе и его институтах, включая систему демократических выборов и сам парламент, члены которого на основе установленной процедуры определяют нормативные интересы общества и их текущие приоритеты⁹.

Исходя из такой общей модели «политического устройства», нетрудно понять, что разговор о совпадении двух множеств индивидуумов, действующих в рыночной и политической средах, возможен лишь при замене парламентской процедуры референдумом. С учетом же того, что сам по себе референдум является крайне редким исключением из стандартной гражданской практики, можно предположить, что в текущем дискурсе формирование нормативных интересов общества обусловлено поведением исключительно политиков, принадлежащих определенным политическим партиям и общественным движениям, представляющим интересы различных социальных групп. Без ограничения общности модели Бьюкенена и в целях данного исследования можно общую совокупность политиков сузить до членов демократически избранного парламента.

Кроме того, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций своей собственной выгоды, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь действительно идет о «других событиях». Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос о том, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде перед членами парламента встает иная альтернатива: надо ли поддерживать приобщение населения к театральному искусству или для общества важнее потребление населением фруктов. Понятно, что идентичность указанных альтернатив также возможна лишь в случае проведения всенародных референдумов в отношении потребления каждого блага. Поэтому и здесь можно считать, что в политическом процессе формирования общественных интересов рассматриваются, как правило, «другие события».

И наконец, представляется целесообразным рассматривать «другое поведение», потому что в отличие от индивидуумов предпочтения «политиков»,

---

⁹ В данной работе мы не рассматриваем саму систему политических выборов, вопросы их организации, честности, справедливости и прозрачности, которые являются самостоятельной темой исследования, имеющей богатую литературу.

действующих от имени общества, обусловлены в основном не личными, а общественными средствами. И сколько бы ни говорить о возможной самоидентификации выбранных людей с обществом, от имени которого они формируют нормативный стандарт и принимают соответствующие решения, все равно это далеко не то же самое, когда за потребляемое благо индивидуум расплачивается отказом от личного потребления других товаров и услуг. На возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для людей, принимающих решения о направлениях государственных расходов, по отношению к их собственным средствам, указывают многие исследования¹⁰. В этом смысле даже референдум не может исправить генетический порок общественных средств¹¹, которые, собственно, и порождают другую мотивацию и соответствующие особенности поведения политиков – «другое поведение».

Столь пространственные объяснения потребовались мне для того, чтобы разъяснить механизмы формирования нормативных интересов общества – одно из положений теории опекаемых благ. Воспользовавшись принципом гетерогенности и объяснив на этой основе «другое поведение» «политиков», я стремился показать, что в предложенной модели с двумя ветвями формирования интересов социума в общем случае нет места двойственности предпочтений одних и тех же индивидуумов. Речь идет о двух совокупностях людей, о принципиально разных общественных интересах, выявляемых в рыночной и политической средах, о несводимости их друг к другу (Табл. 4).

Табл. 4. Принцип однородности в методологии ряда экономических теорий

	ТЕОРИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ	ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТОВАРОВ	ТЕОРИЯ МЕРИТОРНЫХ БЛАГ	КОНЦЕПЦИЯ МЯГКОГО ПАТЕРНАЛИЗМА	ТЕОРИЯ ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ
ГЕТЕРОГЕННОСТЬ / ГОМОГЕННОСТЬ.	Отсутствует	ГЕТЕРОГЕННОСТЬ «ПО УМОЛЧАНИЮ»	ГЕТЕРОГЕННОСТЬ «ПО УМОЛЧАНИЮ»	ГЕТЕРОГЕННОСТЬ «ПО УМОЛЧАНИЮ»	ГЕТЕРОГЕННОСТЬ
РЫНОЧНАЯ ВЕТВЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЕТВЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА	Отсутствует	Предпочтения «эксперта по этике»	Ценностные суждения об «истинных предпочтениях»	Ценностные суждения об «истинных предпочтениях»	Нормативные предпочтения общества

Исследуя такую категорию, как интерес социальной целостности, нельзя не обратить внимание на имеющиеся различия в природе индивидуальных (позитивных) и групповых (нормативных) интересов. Надо сказать, что эта проблема никогда не пользовалась особой популярностью у экономистов, хо-

¹⁰ Отметим, что конец двадцатого столетия оказался переполнен упоминаниями о «рентоищем классе», «политическом доходе», «бюрократической ренте», «логроллинге» и т.п.

¹¹ Многие авторы отмечают, что бюджетные средства распределяются на финансирование общественных товаров и ренту, которую присваивают политические и экономические элиты. Поэтому в очень большой степени поведение политиков определяется стремлением сохранить и даже увеличить эту ренту. В указанных обстоятельствах поведение индивидуумов и политиков, имеющих различную мотивацию, отождествлять невозможно.

тя и ей было посвящено определенное количество публикаций¹². Следует заметить также, что непропавшее желание освободить экономическую теорию от ценностных представлений, приблизить ее к математике и сделать позитивной наукой привело к тому, что категория нормативных интересов оказалась практически изгнана из экономического анализа: где признается только «строгость и непротиворечивость», нет места нормативным категориям (*Кэй (2012, с. 7)*).

К этому добавлю, нормативный характер интереса социальной группы в целом – это не гипотеза и не постулат. Вне зависимости от механизмов формирования такого интереса – будь то персональное решение лидера группы или выбор некоторой коалиции единомышленников (партии), или голосование всех членов группы, он всегда определяется в форме ценностных суждений.

Обсуждая проблемы методологии теории опекаемых благ, включая наличие нормативного интереса общества, и уподобляя государство «политически агрегированному индивиду» и рыночному субъекту, реализующему этот интерес, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект «...наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения» (*Boudon (1979)*). Таким образом, ясным и вполне выполнимым требованием к государству–субъекту рынка является наличие некой институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества. В сущности, речь идет еще об одном аспекте рассматриваемой методологии – о политическом устройстве государства и институтах гражданского общества, обеспечивающих возможность коллективных решений.

5. Нормативный стандарт: институциональный аспект

В целом ядро КЭС и теории опекаемых благ определяет феномен «несводимых потребностей» и методологический релятивизм, обусловившие переход от методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности индивидуальной и социальной полезности, допускающему существование групповых предпочтений наряду с предпочтениями индивидуумов. Повторю, речь идет о рыночной и политической ветвях формирования общественных интересов.

Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их рыночным агрегатом в форме спроса, другая – отражает процесс зарождения, распространения и актуализации нормативных интересов общест-

---

¹² Я имею в виду публикации, посвященные ценностным установкам общества и их отражению в институциональной теории. См. также: (*Харсаньи (2004)*).

ва посредством институтов политической системы. При этом нормативные интересы в меру развитости общества и его политической системы впитывают в себя весь спектр предпочтений, отражающих социально одобряемые ценности и этические нормы, идеи справедливости и целесообразности, иные социальные и экономические установки, присутствующие в программах политических партий и общественных движений, выступающих от имени различных социальных групп.

Иначе говоря, в область нормативных интересов, генерируемых политической ветвью, попадают те ценностные суждения, которые Самуэльсон в «Чистой теории общественных расходов» предписывал своему «эксперту по этике» (*Samuelson (1954)*), а представители мериторики и мягкого патернализма назвали «истинными предпочтениями» (*Musgrave (1957, 1994), Brennan, Lomasky (1983), Tietzel, Muller (1998), Thaler, Sunstein (2003, 2008)*). Но оговорюсь еще раз, мера адекватности этих нормативных интересов обусловлена развитостью самого общества и его политической системы.

Формируемые в различных институциональных средах, соответствующих рыночной и политической ветви, эти интересы не сводимы друг к другу, но дополняют друг друга. В этом смысле государственная активность, направленная на реализацию интересов общества (в простейшем случае на устранение изъянов рынка), теоретически улучшающая экономическое положение, влияет и на политическую ситуацию. Причем это влияние, как показали Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон, может оказаться деструктивным, способствуя в итоге формированию неэффективной экономики (*Асемоглу, Робинсон (2013, с.17–19)*). Верным является и общее положение о несостоятельности «прекраснодушного» и широко распространенного тезиса о том, что «хорошая экономика и есть хорошая политика» (*Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011)*). Для серьезного «... анализа экономической политики необходима другая понятийная сетка, явным образом основанная на политической экономике. Многие концептуальные, теоретические и эмпирические основания такой системы понятий остаются предметом будущих исследований» (*Асемоглу, Робинсон (2013, с.25)*).

Мне кажется, что такое будущее давно настало. Обсуждение именно данного вопроса, который действительно лишь по касательной затронут в теориях общественного выбора и новой политэкономии, большинстве социологических и политологических концепций (*Drazen (2000), Persson, Tabellini (2000), Асемоглу, Робинсон (2013)*), – один из главных сюжетов теории опекаемых благ.

Дело в том, что кроме признания самого факта необходимости государственной активности, направленной на достижение нормативных интересов общества, и анализа ее политических последствий, нужно понять, как формируются эти целевые установки и насколько они отражают реальные обще-

ственные предпочтения. Я исхожу из довольно распространенной точки зрения, согласно которой истинный интерес общества всегда отличается от общественного выбора, реализуемого с помощью парламентской процедуры¹³. Вообще говоря, в политической ветви мы наблюдаем, фактически, то же явление, что и в рыночной. И также, как рыночный спрос отличается от предпочтений индивидуумов, точно также нормативный интерес, генерируемый политической ветвью, отличается от истинных предпочтений общества как такового.

Подчеркну, что коллективные решения и сами нормативные интересы, генерируемые политической ветвью, имеет смысл рассматривать как результат дискурса, детерминированного мерой развитости гражданского общества, сложившимися институтами, интересами политических и экономических элит, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от реальных общественных потребностей. Можно согласиться и с тем, что «политический процесс обладает собственной логикой, во многих случаях не совпадающей с привычной логикой оптимизирующих экономических механизмов» (*Радыгин, Энтов (2012, с. 26)*).

Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать сама политическая система, т. е. совокупность действующих институтов и индивидуумов, включая парламент с его властными полномочиями. Именно эти интересы, вне зависимости от их приближения к реальным потребностям социума, становятся, по определению, нормативными интересами общества, порождая некоторый произвол коллективных решений.

Повторю, что в рамках данной работы я исхожу из бюкененской модели политического устройства, допуская при этом наличие парламентской партии (коалиции), обладающей абсолютным большинством голосов, и способной провести через голосование практически любые решения, отвечающие интересам этой партии (коалиции)¹⁴. И дело не только в том, насколько представлен сам парламент и как организована его работа. Важной составляющей является сама процедура принятия решений и те методологические принципы, которые лежат в ее основе.

Надо сказать, что известно много подходов и есть обширная литература, в которой подробно рассмотрены различные аспекты принятия коллективных решений. Их общей чертой является взгляд на парламент как на совокупность индивидуумов-политиков, участвующих в выработке решений

---

¹³ Опираясь на исследования Чикагского университета (*Peltzman (1976), Becker (1983)*), Жан Жак Лаффон обращает внимание и на «эмпирическую нерелевантность подхода к общественной политике с позиций общественного интереса» (*Лаффон (2007, с. 23)*).

¹⁴ Данный феномен особенно характерен для стран с невысоким уровнем развития гражданского общества, демократических институтов и политической культуры (*Полтерович (2002), Полтерович, Попов (2007), Полтерович, Попов, Тонис (2008), Хиллман (2009)*). По мере демократизации политической системы процесс принятия решений постепенно перемещается в область формирования компромиссов, предваряющих процедуры голосования.

путем различных вариантов голосования (принцип единогласия, квалифицированного или простого большинства). При этом структура парламента и наличие в нем небольших фракций, сформированных оппозиционными партиями, оказывают воздействие лишь на процесс обсуждения, предваряющий голосование, и практически не влияют на его результаты. Иначе говоря, в подавляющем числе случаев парламент рассматривается в качестве единой и даже однородной группы политиков, определяющей нормативные интересы общества, соответствующие большинству голосов депутатов.

Следует подчеркнуть также, что если в недавнем прошлом доминировала концепция «благожелательного государства», активность которого направлена на реализацию общественных интересов, то во второй половине двадцатого столетия все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит (*Stigler (1971)*). И, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, «интервенция» теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» (*Лаффон (2007 (с. 23))*). Анализируя эту тенденцию, Лаффон рассматривает «аутентичного советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации» (*Лаффон (2007, с. 22)*).

В посткоммунистической России данный процесс проявляется особенно зримо: «...между обществом и элитами сохранился значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов – общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» (*Полищук (2013, с. 41)*)¹⁵. Но было бы ошибочным думать о наличии единственно возможного выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социально-экономические установки и целевые ориентиры парламентского большинства. Так или иначе, но общество всегда сталкивается с политическим произволом в определении нормативного интереса, искажающего реальные общественные потребности

С намерением уменьшить этот произвол в теории опекаемых благ сформулирован альтернативный подход, использующий предпосылку гетерогенности. В соответствии с ней парламент в общем случае рассматривается как совокупность «аутентичных советников» крупных и мелких политиче-

---

¹⁵ Добавлю замечание Марка Урнова «Моральный авторитет российской политической элиты в настоящее время довольно низок – во всяком случае, существенно ниже, чем в большинстве ведущих стран мира». И дальше «Рассчитанный по методике Edelman Trust Barometer индекс доверия к институтам государственной власти в России в 2011 и 2013 году равнялся соответственно 29 и 23 пунктам из 100 возможных... Согласно ESS в 2012 году доля российских респондентов, в той или иной мере доверяющих парламенту, составляла 18%...» (*Урнов (2014, с. 26)*).

ских партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей. Следствием такой трактовки является вывод о том, что результаты парламентского голосования (простое, а в некоторых случаях и квалифицированное большинство) могут порождать решения нерелевантные реальным потребностям общества, игнорирующие предпочтения небольших партий, а вместе с ними интересы многих миллионов их избирателей.

Относится это к любым процедурам «коллективных решений», о которых писал Р. Будон. Решения властного большинства не учитывают, как правило, интересы других парламентских партий. Поэтому для приближения общественного выбора к реальным общественным потребностям необходимо развивать институты гражданского общества, предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации нормативных интересов общества.

Остановлюсь теперь на политологических аспектах теории опекаемых благ. В рамках этой междисциплинарной теории содержатся рекомендации, направленные на ограничение монопольной власти парламентского большинства и развитие института политической конкуренции. Речь идет о механизмах демократизации политических и экономических решений, о принципе сдержек и противовесов, который особенно важен для успешного функционирования парламентской системы. Если политическая ветвь не использует данный принцип, то монополизация процесса определения нормативного интереса партией власти или соответствующей партийной коалицией становится неизбежной.

В данном контексте принцип единогласия, трансформирующий проблему голосования в поиск компромисса еще на стадии обсуждения законопроектов, является абсолютным решением проблемы неоднородности парламента, состоящего из представителей партий с разными интересами и политическими программами. Однако в этом, крайнем, случае принятие многих парламентских решений оказалось бы заблокированным. Другую возможность смягчения парламентской неоднородности продемонстрировал Европейский союз, в процессе расширения которого происходила настоящая эволюция системы голосования – область применения принципа единогласия постепенно сужалась и замещалась процедурой предоставления малым странам непропорционально большего числа голосов (Зеленов (2005), Зуев (2008)). По всей видимости, подобная система голосования, в соответствии с которой членам оппозиционных партий, не входящим в правящую коалицию, предоставляются дополнительные голоса, может оказаться эффективной и для парламентов отдельных стран, где необходимость учитывать интересы таких партий заставляет прибегать к принципу защиты меньшинства.

Исходя из этого же принципа, в Теории опекаемых благ предложена иная процедура парламентского голосования, основанная на институте 20%-го вето. Речь идет о том, что для

принятия большинства федеральных законов, отвечающих нормативным интересам общества, необходимо одобрение законопроектов не менее 80% депутатов Государственной думы.

Принципиальным положением Теории опекаемых благ является введение еще одного института гражданского общества, наделяющего определенными правами оппозиционные партии в области формирования и реализации нормативных общественных интересов в процессе утверждения государственного бюджета. В частности, предложена процедура «нулевого чтения», охватывающего не более 85% государственных расходов, но в которой участвуют представители всех думских партий. В последующих двух чтениях (первого и второго) оппозиционным парламентским партиям предоставляется исключительное право дополнять расходы бюджета (оставшиеся 15%), направляя указанные средства на реализацию интересов социальных групп, представленных этими партиями, действующими от имени многих миллионов их избирателей¹⁶.

Кроме непосредственного влияния на процесс распределения бюджетных средств, этот институт обладает еще двумя особенностями. Во-первых, «15% квота» оппозиционных партий подтолкнет партию власти (коалицию) перевести ряд решений из процесса голосования в зону переговоров и поисков компромиссов. Во-вторых, итоги голосования оппозиционных партий по бюджету станут информационным сигналом для их избирателей, позволяющим определить, насколько реальное поведение оппозиционных партий соответствует их предвыборным программам. Кажется очевидным, что введение подобного института является определенным шагом в развитии политической конкуренции и ограничении монополии партии власти.

В качестве третьей составляющей развития гражданского общества может быть предложен институт прямого участия граждан в распределении бюджетных средств (институт индивидуальных бюджетных назначений). Возможность свободного выбора приоритетных направлений расходования хотя бы небольшой (в пределах 2%) части уплачиваемого налога, реализует право налогоплательщиков самостоятельно решать, какие интересы имеют для них наибольшее значение.

В упрощенной форме этот институт гражданского общества уже используется рядом европейских стран в форме «процентной филантропии» (*percentage philanthropy*). Законодательные новации начала XIX – середины XX в., относящиеся к католической церкви, способствовали созданию новой модели финансовой поддержки социально значимых видов деятельности (*Allen (1999)*). В результате принятия в 1996 году в Венгрии специального закона граждане этой страны получили право требовать от налогового органа перечисления 1% уплачиваемого подоходного налога в пользу соответствующих организаций культуры. Последующие институциональные реформы 2006–2007 гг. в Евросоюзе позволили гражданам некоторых стран выбирать, на какие общественно-полезные цели отчислять от 1 до 2% своего подоходного налога (*Fazekas (2000)*, *Bullain (2004)*, *Kuti, Vajda (2000)*, *Кнац, Сборников, Тисленко (2010)*, *Рубинштейн (2010)*, *Хаунина (2012, 2013)*).

Сравнивая институт бюджетных назначений с процентной филантропией, следует отметить качественные отличия между ними. И дело не только в том, что данный институт является более общим. Главное отличие обусловлено их содержанием и целевой направленностью. Если в процентной филантропии основной акцент сделан на благотворительности, то содержательной доминантой института бюджетных назначений является прямое участие граждан в распределении бюджетных средств. Именно этот институт гражданского общества позволяет хотя бы частично компенсировать всегда существующие

---

¹⁶ Приведенные 20% и 15% - очень примерные цифры. Их конкретные значения зависят от структуры Парламента, от доли голосов в Парламенте оппозиционных партий. Замечу также, что эти 15% могут быть распределены между оппозиционными партиями пропорционально их «весу» в Парламенте.

«парламентские ошибки», возникающие в процессе определения нормативных интересов и соответствующем распределении бюджетных средств.

Можно обсуждать конкретные цифры для предлагаемых институтов, уточняя их в ходе эмпирических исследований. Главным же остается вывод о том, что устойчивый экономический рост невозможен без систематической государственной активности, направленной на реализацию интересов общества как такового. Определение же этих вне рыночных интересов, тактических и стратегических целей развития страны нуждается в модернизации существующей парламентской демократии, в том числе в наделении оппозиционных партий необходимыми политическими и экономическими правами, обеспечивающими ослабление монополии правящей партии и усиление политической конкуренции, в развитии институтов прямого участия граждан в распределении налоговых доходов государства.

Вместо заключения

Сравнительный методологический анализ рассмотренных теоретических построений позволяет сформулировать общие выводы исследования. Во-первых, подчеркну, что в фундаменте теории опекаемых благ лежат три основных предпосылки: методологический субъективизм, методологический релятивизм условие неоднородности общества. Они интерпретированы в этой теории в виде предположения о том, что каждый человек в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности, действует в предлагаемых обстоятельствах субъективно оптимально; в виде принципа комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие группового интереса наряду с индивидуальными интересами членов группы; в виде существования двух, не сводимых друг к другу, ветвей формирования общественного интереса, рыночной и политической.

Во-вторых, анализ основных предпосылок теории общественных и мериторных благ, концепции либертарианского патернализма позволяет предположить, что с точки зрения методологии эти теоретические построения являются частными случаями теории опекаемых благ¹⁷. В пользу данной гипотезы говорит прямое сопоставление используемых исходных предпосылок. Можно заметить, в частности, что, кроме принципа методологического субъективизма, все остальные исходные предпосылки и вытекающие из них следствия с точностью до общей формулировки являются одинаковыми во всех сравниваемых теоретических построениях. Более того, как показал предыдущий анализ, использо-

---

¹⁷ В данном контексте предлагаю обратить внимание на исследование О. Ананьина «Онтологические предпосылки экономических теорий» (Ананьин (2013)). В этом докладе, представленном на семинаре «Теоретическая экономика», он пишет, в частности: «...в корпусе экономического знания выделялись научно-исследовательские программы, для каждой из которых идентифицировались их «жесткие ядра», а фактически – онтологии: непроверяемые в рамках исследовательской программы наборы базовых предпосылок» (Ананьин (2013, с. 18)). В аннотации к докладу такие онтологии автор называет частными.

вание принципа множественности «Я», собственно, и приводит к некоторой размытости других исходных предпосылок и порожденных ими следствий в теории общественных и мериторных благ, в концепции либертарианского, или мягкого, патернализма. Осталось сказать, что и сам принцип множественности «Я» можно рассматривать как частный случай методологического субъективизма. Дело в том, что в модели с множественностью «Я» также предполагается, что каждый из них действует субъективно оптимально.

В-третьих, расширение границ экономического анализа в результате ослабления слишком жестких предпосылок неоклассической теории и замены аксиом рациональности и методологического индивидуализма более общей онтологией, ядро которой составляют методологический субъективизм и методологический релятивизм, позволяет саму теорию опекаемых благ рассматривать как нормативную теорию общественного благосостояния.

В-четвертых, ключом к этим результатам послужили категории нормативного интереса и социальной полезности, определившие новую трактовку государственной активности: на место нежелательного для неоклассики вмешательства государства приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни общества, а вместо демонизируемого бюджетного бремени – обусловленные общественным выбором государственные расходы, направленные на реализацию нормативных интересов общества.

В-пятых, для приближения общественного выбора к реальным общественным интересам необходимо создавать и развивать институты гражданского общества, ограничивающие монопольную власть парламентского большинства, обеспечивающие развитие политической конкуренции и демократизацию принимаемых политических и экономических решений, предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации интересов общества.

Литература

Автономов В.С. Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики, 2013. №4.

Автономов В.С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // Социальные науки и современность. 2014. №3. С. 53–56.

Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН, 2013

Асемоглу Д., Робинсон Дж. Политика или экономика? Ловушки стандартных решений // Вопросы экономики, 2013. №12

Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. – М., 1997

Дэвидсон Д. Исследование истины и интерпретации. М.: Праксис. 2003

- Зеленов Р.Ю.* Законодательные процедуры Европейского союза: эволюция полномочий Европейского парламента // Государство и право 2005. №1
- Зуев В.Н.* Механизмы принятия решений в ЕС – универсальный инструмент примирения интересов // Вестник международных организаций. 2008. №3 (18)
- Кнац Ю., Соборников И., Тисленко Д.* (2010). «Процентная филантропия»: о возможности введения в России налога на содержание некоммерческих организации
- Кэй Дж.* Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. – 2012, N5
- Лаффон Ж.-Ж.* Стимулы и политэкономия (пер. с англ.). М., 2007
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* (2011). Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во ин-та Гайдара
- Ореховский П.А.* Посылка однородности экономических агентов: парадоксы теории практики. М.: Институт экономики РАН, 2013
- Платон. Государство // Соч.: В 3 т. М., 1971, Т. 3 (1),.
- Полицук Л.И.* Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики, 2013. №9.
- Полтерович В.М.* Политическая культура и трансформационный спад // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. №4
- Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. №2
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.* Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. Т.12, №
- Радыгин А., Энтов Р.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. №12
- Рубинштейн А.Я.* (2013). Опекаемые блага в оптике сравнительной методологии. М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А.Я.* К теории рынков «опекаемых благ» // Научный доклад на Секции экономики отделения общественных наук РАН. 2008
- Рубинштейн А.Я.* К теории рынков «опекаемых благ». Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // Общественные науки и современность. 2009б. №2
- Рубинштейн А.Я.* К теории рынков «опекаемых благ». Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009а, №1
- Рубинштейн А.Я.* Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010а
- Рубинштейн А.Я.* Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность, 2012. №6
- Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3

Самуэльсон П.Э. Чистая теория общественных расходов // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб: Экономическая школа. 2004

Тейлор Ч. Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас, 2001, №4 (18)

Урнов М.Ю. Россия виртуальные и реальные политические перспективы. М. НИУ Высшая школа экономики, 2014

Харсаньи Дж. Ценностные суждения / Экономическая теория. – М., 2004

Харстад Р.М., Зельтен Р. Модели ограниченной рациональности: пути достижения интеллектуальной конкурентоспособности. // Вопросы экономики. 2014. №5

Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» – дополнительный финансовый ресурс для организаций социально-культурной сферы // Журнал новой экономической ассоциации. №2(14), 2012

Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» – проблемы трансплантации успешного института финансовой поддержки культурной деятельности / Культура и рынок. Опекаемые блага. СПб.: Алетейя, 2013

Хиллман А.Л. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. М.: ГУ ВШЭ, 2009

Acemoglu D. (2007). Modeling Inefficient Institutions // Advances in Economic Theory. Proceedings of the World Congress 2005. Cambridge, MA: Cambridge University Press. P. 341 — 380.

Allen J. In Europe ‘Church Taxes’ Not Unusual, 35 (13) National Catholic Reporter 5 (1999).

Becker G. A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence // Quarterly Journal of Economics. 1983. 98.

Boudon R. La logique du sociale: introduction a l’analyse sociologique. Paris, 1979.

Brennan G., Lomasky L. Institutional Aspects of «Merit Goods» Analysis, Finanzarchiv 41, 1983. S. 183–206.

Buchanan J.M. Liberty, Market and State, Brighton, 1986, p. 249.

Burlando R.M., Guala F. Heterogeneous Agents in Public Goods Experiments. Journal: Experimental Economics, April 2005. Vol. 8, Issue 1. P. 35–54.

Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O’Donoghue T., Rabin M. (2003), “Regulation for conservatives. Behavioral economics and the case for ‘asymmetric paternalism’”, University of Pennsylvania Law Review, 151, 1211–1254.

D’Amico D. Merit Goods, Paternalism and Responsibility. Pavia. Universita, 2009.

Drazen A. (2000). Political Economy in Macroeconomics. Princeton University Press, Princeton.

Fazekas E. The 1% Law in Hungary: Private Donation from Public Funds to the Civil Sphere. The Journal of East European Law. Vol. 7. Nos. 3–4, Columbia University (2000), e.g. on p. 447.

Head J.G. On Merit Goods, Finanzarchiv 25, 1966.

- Head J.G. On Merit Wants, *Finanzarchiv* 46, 1988
- Koboldt C.* Ökonomik der Versuchung; Drogenverbot und Sozialvertragstheorie, Tübingen, 1995.
- Kuti E., Vajda A.* Citizen's Votes for Non-Profit Activities in Hungary, Nonprofit Information and Training Center – Non-Profit Research Group (2000).
- Mayer T.* (1993). Truth versus Precision in Economics. Aldershot: Elgar.
- McLure C.E.* Merit Wants: a Normatively Empty Box, *Finanzarchiv* 27, 1968.
- Müller Ch., Tietzel M.* (2002), «Merit goods from a constitutional perspective», in Brennan, G. et al. (eds), *Method and morals in constitutional economics. Essays in honor of James M. Buchanan*, Springer, Berlin & New York, 375–400.
- Musgrave R.A, Musgrave P.B, Kullmer L. Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis, Band 1, 6. Auflage, Tübingen, 1994.
- Musgrave R.A.* A Multiple Theory of Budget Determination // *Finanzarchiv*. 1957. Vol. 17.
- Musgrave R.A. Provision for Social Goods. In: Margolis J., Guitton H. (eds.). *Public Economics*, London-Besingstoke, 1969,
- Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. N.Y.- London, 1959.
- Myrdal G.* Objectivity in Social Research. 1970.
- Peltzman S.* Toward a More General Theory of Regulation // *Journal of Law and Economics*. 1976, 19.
- Persson T., Tabellini G.* (2000). *Political Economics: Explaining Economic Policy*.
- Priddat B.P.* Zur Ökonomie der Gemeinschaftsbedürfnisse: Neuere Versuche einer ethischen Begründung der Theorie meritorischen Guten, *Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften* 112, 1992.
- Samuelson P.A.* The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 36, No. 4. 1954.
- Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. 108. Jahrgang 1988.
- Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics*, 1971. Vol. 2(1).
- Sugden R.* (2008), Why incoherent preferences do not justify paternalism, *Constitutional Political Economy*. P. 19, 226–248.
- Sunstein C., Thaler R.* (2003). Libertarian paternalism is not an oxymoron, *University of Chicago Law Review*. P. 70, 1159–1202.
- Sunstein C., Thaler R. (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press
- Thaler R.H. (2000). From Homo Economicus to Homo Sapiens. *Journal of Economic Perspectives—Volume 14, Number 1—Winter 2000—Pages 133–141*

The Role of Elites in Economic Development / ed. by Alice H. Amsden, Alisa DiCaprio and James A. Robinson. Oxford, UK: Oxford University Press), 2012.

Tietzel M., Muller C. Noch mehr zur Meritorik // Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. 118. Jahrgang 1998 Heft 1, Duncker & Humblot, Berlin.